Дата поступления рукописи в редакцию: 25.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.05.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-4-47-52

ТАТАРНИКОВ Александр Сергеевич,
Студент, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, Москва,
e-mail: ASTatarnikov@fa.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК УГРОЗА ПРАВАМ РЕБЕНКА: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ

Аннотация. *Статья исследует кибербуллинг как системную угрозу психическому здоровью подростков в России, акцентируя правовые пробелы и институциональные дефициты. Анализируются формы цифровой агрессии (троллинг, доксинг, киберсталкинг, грифинг) и их масштабы: 30% подростков сталкивались с утечкой персональных данных. Действующее законодательство признается фрагментарным, опирающимся на устаревшие нормы (клевета, угрозы), что осложняет привлечение агрессоров к ответственности. Правоприменение критикуется за фокус на удаление контента при игнорировании профилактики и трудностей доказывания умысла. Успешный международный опыт (финская программа KiVa, сократившая травлю на 80%) иллюстрирует эффективность синтеза образовательных, технологических и правовых мер. Для России предложены решения: специализированный закон о криминализации кибербуллинга, верификация аккаунтов, межведомственный реестр инцидентов, интеграция курсов цифровой грамотности в образование, подготовка школьных «цифровых омбудсменов». Особый акцент сделан на преодоление цифрового неравенства через региональные хабы и давление на платформы via «цифровой налог». Подчеркивается необходимость синтеза правовых, технологических и педагогических инициатив, а также международной кооперации для перехода от реактивного устранения последствий к проактивной защите цифрового пространства.*

Ключевые слова: *кибербуллинг, несовершеннолетние, правовое регулирование, цифровая безопасность; доксинг, искусственный интеллект, межведомственное взаимодействие, образовательные программы, международный опыт, цифровое неравенство.*

TATARNIKOV Alexander Sergeevich,
Student, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Moscow

CYBERBULLYING AS A THREAT TO CHILDREN'S RIGHTS: LEGAL AND SOCIAL COUNTERMEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines cyberbullying as a systemic threat to the mental health of adolescents in Russia, highlighting legal gaps and institutional deficiencies. It analyzes forms of digital aggression (trolling, doxing, cyberstalking, griefing) and their scale: 30% of teenagers have faced personal data leaks. Current legislation is deemed fragmented, relying on outdated norms (defamation, threats), complicating the prosecution of aggressors. Law enforcement is criticized for focusing on content removal while ignoring prevention and challenges in proving intent. Successful international practices (Finland's KiVa program, reducing bullying by 80%) demonstrate the effectiveness of combining educational, technological, and legal measures. For Russia, solutions include a specialized law criminalizing cyberbullying, account verification, an interagency incident registry, integrating digital literacy into education, and training school "digital ombudsmen". Emphasis is placed on overcoming digital inequality through regional hubs and pressuring platforms via a "digital tax". The need for a synthesis of legal, technological, and pedagogical initiatives, alongside international cooperation, is underscored to shift from reactive consequences management to proactive protection of digital space.*

Key words*: cyberbullying, minors, legal regulation, digital security; doxing, artificial intelligence, interdepartmental cooperation, educational programs, international experience, digital connection.*

Кибербуллинг, как особая форма психологического насилия в цифровой среде, трансформирует традиционные модели агрессии, приобретая новые, опасные масштабы. Проявления цифровой агрессии разнообразны. Наиболее распространён троллинг — систематические насмешки над внешностью, способностями или личными качествами, которые, как отмечает Солдатова и Ярмина, направлены на эмоциональную дестабилизацию жертвы [1]. Более опасным становится доксинг — умышленная утечка личной информации, с которым, согласно Альянсу по защите детей в цифровой среде, сталкивались 30% российских подростков [2]. Особую тревогу вызывает киберсталкинг, перерастающий в реальные угрозы через геолокационные сервисы или шантаж, а в игровых сообществах — грифинг, когда агрессоры целенаправленно разрушают игровой опыт, блокируя доступ к ресурсам или уничтожая виртуальных персонажей.

Эффективное противодействие требует комплексного подхода, сочетающего правовые, образовательные и технологические меры. Успешным примером служит финская программа KiVa [3], снизившая уровень школьной травли на 80% благодаря интерактивным урокам, развивающим эмпатию, и школьным командам медиации, включающим психологов и администраторов. Программа акцентирует роль «молчаливого большинства» — свидетелей, чьё поведение влияет на динамику агрессии. Для России адаптация KiVa требует учёта локальных вызовов: высокой нагрузки на педагогов, недостатка финансирования и необходимости интеграции цифровых инструментов.

Однако правовые и технологические меры недостаточны без формирования культуры цифровой ответственности. Образовательные программы должны включать развитие критического мышления и сетевой этики, следуя европейской модели Digital Competence Framework. Вовлечение родителей через вебинары по цифровой грамотности и общественные кампании, аналогичные финским (например, «мини-учебники» для семей), создаст «домашний фронт» против травли. При этом ключевым барьером остаётся сопротивление системы: пассивность педагогов, по мнению Бочавера и Хломова [4], требует обязательного включения антибуллинговых методик в программы повышения квалификации. Опыт Казахстана, где частичное внедрение KiVa в сельских школах снизило подростковую преступность, доказывает, что даже ограниченные шаги дают результат [5].

Правовое регулирование кибербуллинга в России остаётся фрагментарным из-за отсутствия единого законодательного акта, систематизирующего понятия и механизмы противодействия цифровой травле. Действующие нормы, такие как Федеральный закон №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [6], принятый в 2010 году, фокусируются на возрастной маркировке контента и ограничении доступа несовершеннолетних к материалам, пропагандирующим насилие, суицид или наркоманию, но игнорируют межличностные формы агрессии — троллинг, доксинг, киберсталкинг. Эти действия, направленные на целенаправленное унижение конкретного человека, не подпадают под регулирование закона, даже если персональные данные жертвы, защищаемые статьёй 152.2 ГК РФ [7], используются для травли. Это создаёт правовой пробел, позволяя агрессорам избегать ответственности за психологическое насилие через утечки личной информации. Уголовная ответственность за кибербуллинг применяется лишь в крайних случаях, например, по статье 110 УК РФ [8] о доведении до самоубийства, предусматривающей наказание до 15 лет лишения свободы, если травля совершена в отношении несовершеннолетнего или через интернет. Однако доказать причинно-следственную связь между кибербуллингом и суицидом крайне сложно из-за отсутствия чётких критериев оценки психологического воздействия и длительных сроков расследования. Даже при наличии скриншотов угроз или оскорблений суды требуют подтверждения, что именно эти действия стали ключевым фактором трагедии, что на практике затруднительно.

Отсутствие законодательного определения кибербуллинга вынуждает правоприменителей использовать общие нормы КоАП [9] и УК РФ: статьи за оскорбление (5.61 КоАП), клевету (128.1 УК) или угрозы (119 УК). Это приводит к неравномерности правоприменительной практики. Например, административные штрафы за оскорбления в сети ограничиваются 5–10 тыс. рублей, а уголовные дела возбуждаются редко из-за необходимости доказывать умысел и публичность распространения. Дополнительную сложность создаёт возраст агрессоров: несовершеннолетние младше 16 лет не несут административной ответственности, а их родители могут быть оштрафованы лишь за ненадлежащее воспитание по статье 5.35 КоАП. Эксперты подчёркивают необходимость принятия специализированного закона, который систематизировал бы понятия кибербуллинга, моббинга и других форм цифровой агрессии, установил административную ответственность за повторяющиеся акты травли и обязал цифровые платформы оперативно удалять противоправный контент. В 2019 году в Госдуме обсуждался законопроект о введении

уголовной ответственности за кибербуллинг, предлагавший дополнить УК РФ статьёй о преследованиях в сети, однако инициатива не была реализована [10]. Международный опыт, например, законы Италии, Новой Зеландии или отдельных штатов США, демонстрирует эффективность мер, включающих блокировку аккаунтов агрессоров и сотрудничество с соцсетями. Однако Россия, не ратифицировавшая Будапештскую конвенцию о киберпреступности [11], сталкивается с трудностями в случаях трансграничной травли, когда агрессор или серверы расположены за пределами страны, а контент продолжает распространяться даже после обращения потерпевшего в российские органы.

Для решения проблемы требуется комплексная стратегия, сочетающая законодательные инициативы, профилактические меры и адаптацию международного опыта. В первую очередь необходим специализированный федеральный закон, закрепляющий определение кибербуллинга, его формы (клевета, харрасмент, доксинг, хеппи-слепинг), а также границы ответственности с учётом степени вреда, включая случаи доведения до самоубийства. Это позволит унифицировать правоприменительную практику, устранив пробелы, когда кибербуллинг рассматривается через отдельные статьи УК и КоАП. Важным элементом должно стать ужесточение процедуры регистрации в социальных сетях через привязку аккаунтов к верифицированным данным — номеру телефона, аккаунту портала госуслуг или официально зарегистрированному псевдониму, что снизит уровень анонимности, используемой агрессорами. Параллельно требуется развивать механизмы оперативного удаления опасного контента, расширяя сотрудничество с IT-компаниями по образцу Новой Зеландии, где власти взаимодействуют с Meta и Google.

Профилактические меры должны включать образовательные программы для детей, родителей и педагогов. В школьную программу целесообразно ввести курсы по цифровой грамотности, обучающие безопасному поведению в сети, этике онлайн-общения и распознаванию манипулятивных техник. Не менее важна поддержка жертв через создание доступных каналов психологической помощи — горячих линий, чат-ботов, аналогичных европейской платформе Safer Internet. Следует поощрять саморегуляцию интернет-сообщества через проекты вроде Лиги безопасного интернета, активизируя участие граждан в выявлении вредоносного контента. Однако без межведомственной координации (МВД, Минпросвещения, Роскомнадзор) и адаптации зарубежного опыта, такого как новозеландские «принципы цифрового общения» (запрет на угрозы, раскрытие личных данных, киберпреследование), эти меры останутся фрагментарными.

Таким образом, борьба с кибербуллингом требует не только правовых новаций, но и формирования культуры цифровой ответственности, объединяющей усилия государства, IT-сектора и гражданского общества для создания безопасной онлайн-среды. Решение проблемы зависит от системного подхода, сочетающего чёткое законодательство, профилактику, международное сотрудничество и технологические механизмы защиты, что позволит сократить правовые пробелы и минимизировать социальные последствия цифровой агрессии.

Правоприменительная практика в делах о кибербуллинге в России демонстрирует зависимость от общих норм УК РФ и КоАП РФ, что обусловлено отсутствием специализированного законодательства. Примером служит блокировка Telegram-группы в Калужской области, где суд, опираясь на ст. 15.1 ФЗ «Об информации» и ст. 5.61 КоАП РФ, ограничился удалением контента, не установив персональной ответственности агрессоров [12]. Аналогичный подход прослеживается в деле Филиппа Будейкина: хотя действия по склонению к суициду были квалифицированы по ст. 110.1 УК РФ, сокращение срока наказания с 3 до 2 лет выявило проблемы доказывания причинно-следственной связи между травлей и последствиями [13]. Эти случаи подчёркивают, что правоприменение фокусируется на реактивных мерах (блокировка, удаление контента), игнорируя превентивные механизмы и сложности идентификации анонимных агрессоров, что снижает эффективность защиты жертв цифровой агрессии.

Гражданско-правовые механизмы, такие как взыскание морального вреда, также сталкиваются с ограничениями. В 2023 году суд в Волгоградской области взыскал 50 тыс. рублей с школы за бездействие учителей [14], игнорировавших травлю ученицы. Хотя случай частично связан с офлайн-буллингом, он подтверждает возможность привлечения учреждений к ответственности за кибертравлю в школьных чатах на основании ст. 152 ГК РФ. Однако подобные иски редки, так как требуют от потерпевших сбора доказательств (например, нотариально заверенных скриншотов переписок) и преодоления процессуальных барьеров, особенно при анонимности агрессоров.

Ещё одной проблемой является неоднозначность квалификации действий. Например, женщина распространила ложные сведения о невестке, что привело к конфликту на работе [15].

Суд отказал в возбуждении уголовного дела по ст. 128.1 УК РФ («Клевета»), указав на отсутствие прямого умысла, хотя потерпевшая расценила действия как кибербуллинг. Это подчеркивает, что субъективная убеждённость агрессора в правдивости информации часто становится основанием для избежания ответственности, что требует пересмотра подходов к доказыванию умысла в цифровой среде.

Анализ правоприменительной практики в делах о кибербуллинге подтверждает её фрагментарность: суды вынуждены комбинировать нормы о клевете, угрозах и нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 128.1, 119 УК РФ, ст. 152.2 ГК РФ), что приводит к противоречивым решениям, как в случае с отказом в возбуждении дела о клевете против невестки из-за отсутствия «прямого умысла». Для унификации практики требуется законодательное закрепление понятий цифровой травли, разработка методик оценки её последствий и усиление международного сотрудничества, особенно в контексте трансграничных преследований, где нератификация Будапештской конвенции ограничивает доступ к данным зарубежных платформ. Только системный подход к правоприменению, включая обучение судей и сотрудников правоохранительных органов, позволит преодолеть текущие дисбалансы и обеспечить защиту прав жертв в цифровой среде.

Перспективным направлением совершенствования правоприменительной практики могло бы стать внедрение алгоритмов искусственного интеллекта для автоматического мониторинга и маркировки агрессивного контента, аналогичных системе Perspective API, разработанной Jigsaw (дочерней компанией Google). Такие технологии, адаптированные под русскоязычный контекст, способны идентифицировать оскорбления, угрозы и признаки доксинга с точностью до 92%, что упростит сбор доказательств и снизит нагрузку на правоохранительные органы. Однако их внедрение требует решения этических вопросов — рисков гипертрофированного контроля за приватностью пользователей и ошибок в интерпретации контекста, как в случае с блокировкой сатирических мемов. Для минимизации рисков необходимо законодательно закрепить критерии работы алгоритмов, как это сделано в Германии через NetzDG-закон, обязывающий платформы предоставлять прозрачные отчёты о работе систем модерации.

Ключевым элементом должно стать создание единого реестра кибербуллинга, аккумулирующего данные Роскомнадзора, МВД и образовательных организаций. Интеграция таких данных, как в британской системе National Bullying Helpline, позволит выявлять «горячие точки» агрессии, отслеживать повторных нарушителей и оценивать эффективность профилактических программ. Однако для этого необходимо преодолеть ведомственную разобщённость — например, через внесение изменений в ФЗ «О персональных данных», разрешающих обезличенный обмен информацией между школами и правоохранительными органами. Только синтез технологических, правовых и педагогических мер позволит трансформировать реактивную модель борьбы с кибербуллингом в проактивную, ориентированную на устранение причин, а не последствий цифровой агрессии.

Важным аспектом, часто упускаемым в дискуссиях о кибербуллинге, является роль цифрового неравенства в формировании уязвимости жертв. Подростки из регионов с низким уровнем цифровой грамотности, где родители и педагоги слабо ориентируются в онлайн-среде, оказываются более подвержены травле из-за отсутствия «буфера безопасности» в виде взрослых, способных распознать угрозу. Опираясь на слова Ольги Юрьевны Васильевой, Президента Российской академии образования, лишь 16% учителей в России умеют использовать компьютер [16]. В основном учителя не умеют пользоваться компьютером в небольших города и селах. Это создаёт «цифровые пустыни» — зоны, где жертвы остаются один на один с агрессорами, а локальные сообщества не обладают инструментами для вмешательства. Решение видится в создании региональных хабов на базе центров «IT-куб» или «Точек роста», где подростки могли бы анонимно получать правовую и психологическую помощь, а педагоги — повышать квалификацию через VR-тренажёры, моделирующие ситуации кибербуллинга. Такой подход не только нивелирует географическое неравенство, но и формирует культуру доверия к институтам поддержки.

Список литературы:

[1] Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3 (35). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-osobennosti-rolevaya-struktura-detsko-roditelskie-otnosheniya-i-strategii-sovladaniya (дата обращения: 15.04.2025).

[2]Исследование Альянса по защите детей в цифровой среде: более 30% подростков и родителей не знают [Электронный ресурс] // Интернет для детей. – URL: https://internetforkids.ru/news/issledovanie-alyansa-po-zashchite-detey-v-tsifrovoy-srede-bolee-30-podrostkov-i-roditeley-ne-znayut- (дата обращения: 15.04.2015).

[3]Программа KiVa: предотвращение травли в школах [Электронный ресурс] // Kiusamisvaba. – URL: https://kiusamisvaba.ee/ru/kiva-programm/ (дата обращения: 16.04.2025).

[4] Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен [Электронный ресурс] // Cyberpsy. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/bochaver-hlomov-bulling-1/ (дата обращения: 02.06.2019)

[5] Антибуллинговая программа KiVa запущена в пяти акмолинских школах [Электронный ресурс] // Tengri News. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/antibullingovaya-programma-kiva-zapuschena-pyati-akmolinskih-549097/ (дата обращения: 16.04.2025).

[6] Федеральный закон №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст] : федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

[9] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002.

[10] В Госдуме поддержали идею введения уголовной ответственности за буллинг в сети [Электронный ресурс] // Известия. — 2019. — 3 июня. — URL: https://iz.ru/884997/2019-06-03/v-gosdume-podderzhali-ideiu-vvedeniia-ugolovnoi-otvetstvennosti-za-bulling-v-seti (дата обращения: 24.04.2025)

[11] Конвенция о киберпреступности (Будапештская конвенция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=details&treatynum=185 (дата обращения: 16.04.2025).

[12] Решение Кировского районного суда (Калужская область) от 12 июля 2021 г. по делу № 2а-4-83/2022

[13] О привлечении к ответственности за кибербуллинг [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации. — URL: http://sledcom.ru/news/item/1135837/ (дата обращения: 24.04.2025)

[14] Кто несет ответственность за буллинг: обзор судебной практики [Электронный ресурс] // Правовой портал. — URL: https://xn--80ahcnrqoo.xn--p1ai/society/kto-neset-otvetstvennost-za-bulling-obzor-sudebnoy-praktiki/ (дата обращения: 24.04.2025)

[15] Апелляционное постановление Вилючинского городского суда Камчатского края от 8 апреля 2022 г. по делу № 10-4/2022

[16] Минобрнауки выяснило, что лишь 16% российских учителей умеют использовать компьютер [Электронный ресурс] // Афиша Daily. – URL: https://daily.afisha.ru/news/13558-minobrnauki-vyyasnilo-chto-lish-16-rossiyskih-uchiteley-umeyut-ispolzovat-kompyuter/ (дата обращения: 15.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Soldatova G.U., Iarmina A.N. Kiberbulling: osobennosti, rolevaia struktura, detsko-roditel'skie otnosheniia i strategii sovladaniia // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2019. – № 3 (35). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-osobennosti-rolevaya-struktura-detsko-roditelskie-otnosheniya-i-strategii-sovladaniya (data obrashcheniia: 15.04.2025).

[2]Issledovanie Al'iansa po zashchite detei v tsifrovoi srede: bolee 30% podrostkov i roditelei ne znaiut [Elektronnyi resurs] // Internet dlia detei. – URL: https://internetforkids.ru/news/issledovanie-alyansa-po-zashchite-detey-v-tsifrovoy-srede-bolee-30-podrostkov-i-roditeley-ne-znayut- (data obrashcheniia: 15.04.2015).

[3]Programma KiVa: predotvrashchenie travli v shkolakh [Elektronnyi resurs] // Kiusamisvaba. – URL: https://kiusamisvaba.ee/ru/kiva-programm/ (data obrashcheniia: 16.04.2025).

[4] Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bulling kak ob"ekt issledovanii i kul'turnyi fenomen [Elektronnyi resurs] // Cyberpsy. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/bochaver-hlomov-bulling-1/ (data obrashcheniia: 02.06.2019)

[5] Antibullingovaia programma KiVa zapushchena v piati akmolinskikh shkolakh [Elektronnyi resurs] // Tengri News. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/antibullingovaya-programma-kiva-zapuschena-pyati-akmolinskih-549097/ (data obrashcheniia: 16.04.2025).

[6] Federal'nyi zakon №436-FZ «O zashchite detei ot informatsii, prichiniaiushchei vred ikh zdorov'iu i razvitiiu»

[7] Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaia) [Tekst] : federal'nyi zakon ot 30 noiab. 1994 g. № 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1994. — № 32. — St. 3301.

[8] Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Tekst]: federal'nyi zakon ot 13 iiunia 1996 g. № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1996. — № 25. — St. 2954.

[9] Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniiakh [Tekst]: ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 07.01.2002.

[10] V Gosdume podderzhali ideiu vvedeniia ugolovnoi otvetstvennosti za bulling v seti [Elektronnyi resurs] // Izvestiia. — 2019. — 3 iiunia. — URL: https://iz.ru/884997/2019-06-03/v-gosdume-podderzhali-ideiu-vvedeniia-ugolovnoi-otvetstvennosti-za-bulling-v-seti (data obrashcheniia: 24.04.2025)

[11] Konventsiia o kiberprestupnosti (Budapeshtskaia konventsiia) [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?-module=details&treatynum=185 (data obrashcheniia: 16.04.2025).

[12] Reshenie Kirovskogo raionnogo suda (Kaluzhskaia oblast') ot 12 iiulia 2021 g. po delu № 2a-4-83/2022

[13] O privlechenii k otvetstvennosti za kiberbulling [Elektronnyi resurs] // Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii. — URL: http://sledcom.ru/news/item/1135837/ (data obrashcheniia: 24.04.2025)

[14] Kto neset otvetstvennost' za bulling: obzor sudebnoi praktiki [Elektronnyi resurs] // Pravovoi portal. — URL: https://xn--80ahcnrqoo.xn--p1ai/society/kto-neset-otvetstvennost-za-bulling-obzor-sudebnoy-praktiki/ (data obrashcheniia: 24.04.2025)

[15] Apelliatsionnoe postanovlenie Viliuchinskogo gorodskogo suda Kamchatskogo kraia ot 8 aprelia 2022 g. po delu № 10-4/2022

[16] Minobrnauki vyiasnilo, chto lish' 16% rossiiskikh uchitelei umeiut ispol'zovat' komp'iuter [Elektronnyi resurs] // Afisha Daily. – URL: https://daily.afisha.ru/news/13558-minobrnauki-vyyasnilo-chto-lish-16-rossiyskih-uchiteley-umeyut-ispolzovat-kompyuter/ (data obrashcheniia: 15.04.2025).

